

УДК-93/94

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВА В ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СССР 1936 ГОДА

ЛОМБ САМАНТА ЭНН,

PhD. Доцент,

ФГБОУ ВО «Вятский Государственный Университет»

Аннотации: Данная статья исследует права граждан, перечисленные в проекте Конституции 1936 года. Права, которые советские лидеры выбрали для включения в Конституцию, то как они интерпретировали эти права, свобода речи и прессы, имеющая место быть, говорит о том, какое общество они пытались построить и как они пытались дистанцироваться от буржуазных правительств. Вещи, подобные материальным ценностям, необходимые для реализации чьих либо прав, а также специфические права на собственность, демонстрируют разное понимание того, что такое Конституция. Кроме того, переговоры между Талем, Яковлевым и Стетским с одной стороны и Сталиным с другой стороны, показывают разные взгляды на то, каким должен быть Советский Союз и что Сталин правил не нормативными документами, а просто диктовал другим членам партии как сформировать правительство.

Ключевые слова: Сталинизм, Конституционализм, Истории конституции в СССР, Конституция СССР 1936 года, принципы основного закона СССР, гражданская права

CITIZENSHIP RIGHTS IN THE DRAFT 1936 CONSTITUTION

Dr. Samantha Ann Lomb

Abstract: This article examines the rights of citizens as enumerated in the 1936 draft Constitution. The rights that Soviet leaders chose to include, how they interpreted these rights, such a freedom of speech and press, speaks to the sort of society they were trying to create and how they were trying to distance themselves from bourgeois governments. Things like the material means to realize one's rights as well as specific property rights show a very different understanding of what a Constitution is. Additionally, the negotiations between Tal' lakovlev and Stetskii, on one hand and Stalin on the other, shows different visions of what the Soviet Union should be and that Stalin did not rule by fiat, but rather consulted other party members on how to shape the government and on some occasions was even overruled.

Keywords: Stalinism, Constitutionalism, the history of the Soviet Constitution, the 1936 Soviet Constitution, citizenship rights.

При установлении прав и обязанностей граждан, было много обсуждений у четырех человек, которые работали над текстом проекта Конституции 1936 года. Эта часть Конституции создано на основании переговоры между создателями первого проекта конституции (Яковом Аркадьевичем Яковлевым, Алексеем Ивановичем Стетским, Борисом Марковичем Талем) и Сталиным, который играл роль редактора. Фокусируясь на гражданских правах, Стетский, Таль и Яковлев ожидаемо представляли детальные планы симбиотических отношений между государством и гражданами, которые гарантировали широкий выбор прав и услуг, те в свою очередь в дальнейшем увеличивали старания по строительству социалистического государства. Поправки Сталина часто упрощали или даже убирали целые статьи, которые Стетский, Таль и Яковлев предложили, хотя в некоторых случаях удаленные отрывки были позднее возвращены в текст Конституции. Над гражданскими правами трудились так старательно, так

как они были не просто пропагандой, а реальной программой, которую государство хотело использовать для своих граждан. По большей части, эти цели не были достигнуты государством, обеспечивающим социальные, образовательные, медицинские услуги для своих граждан, остро реагирующих на подавление критики местными лидерами и защищающими частную собственность перед лицом предшествующих энергичных попыток коллективизации. Некоторые статьи Стетского, Таля и Яковлева, возможно более подходили для законодательных инициатив, и действительно, некоторые тексты, которые Сталин удалил из проекта позднее появились в законодательстве. Поскольку никаких объяснений изменений не было, можно только делать предположения почему они были сделаны. Тем не менее, если их просмотреть в целом, статьи из проекта Конституции рассказывают нам историю о создании главного повествования о правах человека, народного участия в правительстве, привилегиях, гарантированных государством, и обязанностях, которые граждане должны были выполнять, чтобы вернуть эти привилегии.

Участие в управлении – один из фундаментальных факторов в гражданстве и основное право гражданина. В этом же духе, предложенная вторая статья из проекта Талья, Яковлева и Стетского о правах граждан, стремилась создать общество с широким народным участием, чтобы помочь массам вернуть государственный аппарат под их контроль. Раздел гласит:

Граждане СССР имеют равные права участвовать в администрировании государства. СССР гарантирует это право, вовлекая трудящихся через Советы, в администрирование государства, организуя на основе колхозных уставов, участие всех колхозников в управлении крупномасштабным общественным производством, привлекая трудящихся с государственных заводов, колхозов и других предприятий активно участвовать в управлении экономикой, обеспечивая их объединение и организацию, поддерживая профсоюзы, Комсомол, и другие социальные организации в их работе по объединению трудящихся и борьбе с бюрократическим искажением советских и экономических органов [1].

Предложенная статья предусматривала прямое, хотя и структурированное участие граждан в аспектах администрирования государства. Она также поддерживала инициативу избавления Советского госаппарата от «бюрократических искажений». Данная статья проясняет природу и ограничивает взгляд комиссии на активное общество. Статья расширила возможности участия общества за рамками Коммунистической Партии, Комсомола до профсоюзов и множества других общественных организаций, деятельность которых ограничивалась борьбой с бюрократизмом и возможно обеспечивала свободу для эффективных реальных изменений в государственном аппарате.

Сталин убрал эту статью из проекта Конституции 19 апреля. Однако, 22 апреля он добавил другую статью, позволяющую участие согласованных организаций в процессе управления. Статья, предложенная Сталиным, была в свою очередь, переработана Конституционной Комиссией. Версия Сталина гласила:

В соответствии с интересами трудящихся в развивающихся добровольных организациях и политической деятельности масс, право объединяться в добровольные организации и общества обеспечивается гражданам СССР: профессиональным союзам, кооперативным ассоциациям, молодежным союзам, спортивным и оборонным организациям, культурным, техническим и научным обществам. Наиболее активные и сознательные люди из рабочих и трудящихся, будут приняты в Коммунистическую Партию, и станут авангардом в борьбе за победу коммунизма и ведущей силой всех организаций трудящихся в СССР. [2]

Конституционная Комиссия издала последнюю часть предложенной Сталиным статьи, что Партия будет прилагать усилия для «усиления и развития социалистического строительства и станет ведущим ядром всех организаций трудящихся, общества и государства.» [3, с. 3] Дополнительно другая статья подразумевала, что гражданские организации номинируют кандидатов на выборы, предоставляя шансы для конкурирующих выборов, которые Сталин представлял в своем воображении [4].

Сталинская версия прав на участие в управлении была меньше по объему чем у Стетского, Талья и Яковлева. Роберт Такер отмечает, что на практике, согласно Конституции РСФСР 1918 г., эти изменения привели государство и общественные организации под контроль партии, так как это дало им право контролировать администрации учреждений и ограничило выбор кандидатов, которых они могли

номинировать на предстоящих выборах [5, с. 355]. В результате, фокус последующей пропагандистской компании во время обсуждения проекта Конституции был на увеличении участия граждан в официальных организациях, часто с целью борьбы с бюрократизмом.

Другой аспект конституций 1918 и 1924 гг., который был перенесен в проект Конституции 1936 г., было обеспечение материальных условий для реализации прав граждан. Так же как право на участие в государственном управлении, однако, эти права часто подгонялись для защиты тех, которые соответствовали целям государства. Например, СССР имел забавные отношения со свободой речи, прессы и собраний. С одной стороны, государство поощряло граждан принимать участие в критике государства и партийного аппарата, как контролирующий механизм, чтобы подмять «непокорные» региональные и местные органы «под каблук». С другой стороны, образование соперничающих партий или даже фракций внутри Коммунистической партии было запрещено и имело ужасные последствия. Проект Стетского, Яковлева и Таля осознавал это очевидное противоречие, трактуя эту свободу выражения в контексте продвижения окончательной победы социализма и утверждая: «Граждане СССР обеспечены (с целью борьбы за окончательную победу социализма) свободой выражения мнения, свободой прессы, свободой собраний, демонстраций и организаций» [6]. Они также указали средства реализации этих прав, гарантируя людям все, что нужно для согласованных народных митингов, предоставляя все типографские учреждения в распоряжение трудящихся и их социальных организаций, бумагу для печати газет, книг и т.д. и другой индустриальной прессы, обеспечение их свободного распределения в стране, а также организацию строительства новых общественных зданий [6].

Советские лидеры рассматривали эту обещанную доступность как важное отличие между социалистической и буржуазной конституцией.

Из-за природы отношения Советского государства к этим правам, данная статья претерпела многочисленные и сложные редакционные сессии. 19 апреля Сталин разделил статью Таля, Яковлева и Стетского о праве на свободу высказывания, прессу и ассоциации на несколько статей, одновременно объединив статью о свободе выражения со статьей Стетского, Таля и Яковлева о правах граждан на критику и самокритику. Первоначальная статья предоставляла право критиковать как неопределимое в «борьбе с бюрократическими издержками в госаппарате и в устранении препятствий в социальном строительстве.» [7]. Стетский, Таль и Яковлев ценили свободу критики официальных лиц до такой степени, что включили меры по недопущению местных чиновников к удушающей критике, «гарантируя это право, и настаивали, что можно» строго наказывать, только глядя в лицо виновному, защищая любого, преследуемого за критику и самокритику.» [7]. Стетский, Яковлев и Таль также включили отдельное предложение, позволяющее гражданам задерживать таких чиновников на неопределенное время, предоставляя гражданам «право требовать преследования любого официального лица, нарушившего этот закон.» [7]. Сталинская версия разделяла характеристики исходных статей, сочетая обеспечение реализацию права свободы слова (собраний, мест и т.д.) с правом на свободную критику государства и чиновников [8]. Он также внес в проект статьи, обеспечивающие свободу собраний и свободу организаций [8]. Право критиковать местные власти точно совпадает с целью Сталина и Советского руководства превратить политику народного участия в оружие против элементов бюрократии. Однако, Сталин, возможно, рассматривал такие специфические цели не подходящими для конституции. 22 апреля он вновь сжал эти статья в одну с предостережением, что эти права (свободы речи, свободы прессы, свободы собраний, и свободы демонстраций) были гарантированы «в соответствии с интересами трудящихся и целью усиления социалистического строительства.» [9]. Этот окончательный проект не содержал специфических упоминаний на право критиковать власти, но это право могло подразумеваться как часть усиления социалистического строительства. Проект также ограничивал использование права свободы речи, прессы и собрания до тех действий, которые считались в интересах масс или государства, эффективно урезающими другие формы оппозиции. В то время как такое предостережение существовало с первого проекта данной статьи, где эти права были перечислены в контексте борьбы за финальную победу социализма, разъяснения Сталина сделали ясным, что оппозиция государственным целям была не приемлема, даже если это оппозиция местными лидерами и бюрократами поощрялась.

В дополнении к праву граждан на свободу слова, была статья о правах граждан заниматься про-

пагандистской деятельностью. Первоначальная глава Яковлева, Таля и Стетского гласила: «Гражданину СССР гарантируется свобода пропаганды материалистического видения мира. Граждане, не освободившиеся от религиозных предрассудков, СССР дает свободу отступления от их религиозных культов, но обучение какой либо религии не разрешено.» [10]. Сталин переработал эту статью, чтобы еще усилить акцент на отделение церкви от государства и подавление религии: «С целью обеспечения реальной свободы совести трудящихся, церковь отделяется от государства и школы от церкви. Свобода пропаганды материалистического видения мира и отступление от религиозных культов признается для всех трудящихся.» [8]. 22 апреля Сталин удалил слова «пропаганда материалистического видения мира» и позже Конституционная комиссия добавила «свободу заниматься антирелигиозной пропагандой» [11]. Как и право на свободу высказываний, право заниматься пропагандой можно было использовать только в интересах государства, т.е. в антирелигиозных целях, даже хотя во время обсуждения многие люди интерпретировали это как право также заниматься религиозной агитацией, что не нравилось государству.

Вдобавок к обеспечению более традиционных прав для граждан, члены Советского руководства задавали вопросы об обеспечении гарантий правительства по спонсированию социальных услуг, таких как образование, оплачиваемый отпуск, финансовую и материальную помощь. Проект Таля, Яковлева и Стетского обеспечивал всеобъемлющие программы обучения для каждого гражданина СССР. Они вводили всеобщее обязательное начальное образование и сделали школьное обучение вплоть до университета бесплатным, создали семилетнее обучение на родном языке народов СССР, а также «производственно-техническое и сельскохозяйственное обучение и политическое просвещение для взрослых и молодежи на фабриках, совхозах, МТС, и колхозах», предназначенных для обеспечения «систематического повышения уровня рабочих в инженерно-технической и сельскохозяйственной работе» [12]. Чтобы обеспечить доступность образования для всех граждан, проект Стетского, Таля и Яковлева, обеспечивал финансовую поддержку студентов высших учебных заведений за счет государства. Но их проект выходил за границы традиционного образования. Они собирались «предоставить книги, газеты, фильмы, театр, спорт, школы для взрослых, служащих в Красной Армии, ввести политическое и культурное образование, способствующее самообразованию трудящихся во всех сферах их творчества, для достижения масс трудящихся.» [12]. Это фокусирование на создании как образованного населения так и культурного современного советского гражданина, имело длинные корни в большевистской политике и мышлении. Например, движение Пролеткульт, которое занималось созданием истинно пролетарской культуры, было создано в 1917 г. В период Гражданской войны, Пролеткульт создавал театральные мастерские, студии, литературные кружки и обучающие классы для взрослых под своим руководством [13]. Хотя это движение увяло во время НЭПа, Большевики никогда не запрещали идею культивирования пролетарского сознания. Продолжая подобные усилия, проект Стетского, Таля и Яковлева создал общеобразовательную программу скорее даже не образовательную, а просветительскую.

В издании от 19 апреля, Сталин уже не фокусировался на просвещении в этой статье. Его новая версия статьи гласила:

Граждане СССР имеют равное право на образование. Это право гарантируется наличием всеобщего обязательного начального образования, бесплатного образования вплоть до поступления в ВУЗы, и государственной помощью для обучения в школах на национальном языке. Это право также охраняется организацией на фабриках, совхозах, МТС и в колхозах индустриально-технического и сельскохозяйственного обучения для взрослых и молодежи, и для систематического обучения рабочих и колхозников до уровня работников инженерно-технической и сельскохозяйственной работы [14].

Затем 22 апреля, Сталин решил организовать техническое обучение на фабриках и в колхозах абсолютно бесплатно, предположительно для того, чтобы поощрить быстрое развитие опытных рабочих в этих важных экономических секторах [15]. На июньском заседании Конституционной Комиссии было добавлено предложение, обеспечивающее «систематические государственные стипендии подавляющему большинству студентов в высшей школе» [16]. В то время, как поправка обеспечивала дополнительную государственную поддержку для образования, она не сохранилась во всеобъемлющей про-

грамме «просвещения», которую Стетский, Таль и Яковлев первоначально вообразили.

Фокус на просвещении преобладал в другой статье проекта Таля, Яковлева и Стетского. Статья 6 фокусировалась на воспитании Советской молодежи, утверждая:

Молодежь в СССР имеет право на материальную защищенность и культурное развитие. СССР гарантирует реализацию этого права для всех молодых мужчин и женщин СССР, ограничивая рабочий день до 4 часов для подростков до 16 лет, с полной оплатой рабочего дня, сочетая работу подростков с их обучением в ФЗО (фабрично заводское обучение), защищая здоровье подростков, организуя лечение больных в домах отдыха и санаториях, запрещая эксплуатацию труда детей и подростков как безземельных трудящихся, и устанавливая всяческие возможности для независимой работы для крестьянской молодежи, повышая их квалификацию доступом к городской культуре [17].

В своих комментариях 19 апреля Сталин оставил большую часть статьи неизменной, поменяв только раздел, относящийся к сельской молодежи. Будучи вряд ли озабоченным их культурным уровнем, Сталин поменял статью, которая гласила, что крестьянская молодежь сейчас «имела возможность стать квалифицированными операторами мощной сельскохозяйственной техники» [18]. Вся статья была удалена из проекта 22 апреля, но кусочки ее появились позднее как часть Трудового Кодекса. Несмотря на то, что глава не была частью окончательного проекта Конституции, она демонстрировала, что некоторые Советские лидеры не только создавали правовой кодекс, но пытались создать нового, современного и образованного гражданина.

Статья 7 Таля, Яковлева и Стетского в разделе прав граждан также подчеркивала, хотя и косвенным образом, повышение культурного уровня граждан благодаря появлению «свободному от работы времени».

Граждане СССР имеют право на отдых, на всестороннее физическое и культурное развитие. СССР гарантирует каждому гражданину использование этого права, сокращая рабочий день, устанавливая ежегодный отпуск для трудящихся, обеспечивая бесплатное медицинское обслуживание трудящихся, выделяя государственные средства на строительство санаториев, домов отдыха и стадионов [19].

Сталин так исправил эту статью, что ее значение поменялось драматически. Его версия от 19 апреля стала такой: «Граждане СССР имеют право на отдых. Это право гарантируется сокращением рабочего дня, установлением ежегодного отпуска для рабочих и служащих с сохранением заработной платы, и строительством санаториев, домов отдыха и клубов.» [20]. В то время как Сталин опять ослабил фокус на проведении программы культурного и физического развития, самая главная поправка Сталина была слова «трудящиеся» на «рабочие и служащие», что полностью лишило колхозников ежегодного отпуска. 22 апреля после дальнейшего обдумывания вместе с Стетским, Талем и Яковлевым, Сталин произвел еще больше поправок в этой статье, добавив квалификацию: «право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для большинства рабочих [выделено] до 7 часов.» [21]. Эти изменения лишили колхозников гражданских прав, сократив рабочий день только у рабочих, хотя крестьяне теоретически все еще имели доступ к домам отдыха. Однако, финансирование и строительство этих санаториев, домов отдыха и клубов больше уже не гарантировалось. Данная версия обещала только, что эти учреждения будут предоставлены для использования, но больше не будут финансироваться или строиться. Подобная дискриминация колхозников не прошла незамеченной во время обсуждения проекта Конституции и вызвала серьезные вопросы о равенстве Советских граждан.

Пока Сталин, казалось, высказался окончательно по поводу большинства изменений к первому проекту Конституции, редакционный процесс, касающийся статьи о государственных социальных льготах похоже зависел от компромисса между Яковлевым, Талем и Стетским с одной стороны, и Сталиным с другой. Как и право на отдых, первоначальная версия была компромиссной, утверждая: «Граждане СССР имеют право на защиту в пожилом возрасте, а также на материальную помощь в случае потери здоровья или трудоспособности. Право гарантируется СССР, хотя организация социальных выплат и социальной защиты находится на балансе государства и на основе модели устава сельхозартели [6]. 19 апреля Сталин убрал фразу «на государственном обеспечении» из предложения о социальной защите и дописал, что трудящиеся могут иметь доступ к курортам и санаториям [22]. Однако, 22

апреля он вернул фразу «на государственном обеспечении» и особо выделил, что граждане имеют право на материальную помощь [23]. Колхозники не были при этом исключением. Но, при последующем обсуждении, граждане заметили, что проект Конституции предоставлялся только для части населения, ознакомиться с этими правами и расширение доступа к правительственным службам дал бы основную часть поправок граждан.

Право на собственность было еще одной «сумрачной территорией» для Советского государства. С одной стороны, руководство приветствовало коллективизацию сельского хозяйства и государственную собственность в промышленности, как признаки победы социализма, и они обвиняли буржуазные конституции, что они были слишком сфокусированы на праве собственности для элиты. С другой стороны, они стремились обеспечить наличие индивидуальных подсобных хозяйств и защитить личную собственность от конфискации. Первоначально, статья Талья, Яковлева и Стетского о праве на собственность, звучало общо: «Граждане СССР имеют право на частную собственность. СССР обеспечивает это право, защищая законом собственность трудящихся в городе и деревне. Никто в СССР не имеет право посягать на частную собственность граждан кроме как по решению суда или случаев, особо указанных в законе» [6]. Сталин почти не изменил эту статью. Но 22 апреля он удалил статью из раздела о правах человека полностью и добавил статью о частной собственности к первой части Конституции, говоря о строительстве государства. Статья гласит: «Личная собственность граждан в виде их заработанного дохода или сбережений, объектов недвижимости и утвари вместе с предметами личного потребления и удобства, защищаются законом.» [24]. Конституционная Комиссия добавила защиту дома к списку защищаемой частной собственности [3, с.1] Ревизия этой статьи указывает, что о собственности думали не как о гражданском праве, а как о том, защита чего была законной функцией государства.

В добавок к закону о собственности, защищающего результаты личного труда всех граждан, первый проект Конституции имел особую статью, предназначенную для определения коллективной собственности и коллективных обязанностей перед государством. Глава начиналась с определения колхозов, как «предприятий, основанных колхозниками, добровольно объединивших свои средства производства и осуществляющих свою экономическую деятельность на земле, принадлежащей государству, и которые проводят экономическую деятельность в соответствии с уставом на основе плана и под руководством советских государственных органов.» [25]. Стетский, Яковлев и Таль сжато дали определение колхозов, но также указали, что их отношения с государством символические «колхозы несут обязательства перед государством, установленные законом.» [25]. Но Стетский, Таль и Яковлев не понимали это как односторонние отношения. Согласно статье из их проекта, государство также несло определенную ответственность перед колхозниками. Советское государство «через наши МТС [отвечает за обеспечение] тракторами, комбайнами и другими современными сельскохозяйственными машинами колхозников за то, что они работают на земле и собирают урожай.» [25].

В добавок к обещанию колхозникам доступ к современному сельхозоборудованию, данная статья также стремилась расшифровать разницу между собственностью колхозов и личной собственностью колхозников, обращая внимание на то, что «вместе с общественной собственностью колхоза, каждая колхозная семья имеет в личном пользовании садовый участок, размеры которого указаны в уставе сельскохозяйственной артели, дойную корову, мелкий домашний скот.» [25]. Данная статья гарантировала право на ведение домашнего хозяйства для колхозников, хотя подчинение личной собственности коллективной собственности было в рамках законов, защищающих государственную собственность. Когда Яковлев, Стетский и Таль писали эту статью, она подразумевала взаимную ответственность за успехи Советского сельского хозяйства, а также за создание сферы частной экономики внутри того, что было очень коллективистской экономикой.

В обзоре этой статьи 18 апреля, Сталин удалил описание отношений колхозов и кооперативов с государством. Вместо этого, он остановился на том, что составляет колхозную собственность: «Социальные предприятия в колхозах и кооперативных организациях, с их живым и неживым имуществом, используемым в производстве колхозами и кооперативами, наравне с их коммунальными зданиями, являются собственностью колхозов и кооперативов.» [26]. Четыре дня спустя, он пересмотрел раздел

о личной собственности колхозников, поменяв статью так, что каждая семья могла иметь «*маленький* [добавлено выделение] садовый участок, дойную корову, птицу и мелкий домашний скот для дополнительной экономической деятельности по уставу артели.» [27]. Конституционная Комиссия добавила гарантии о доме в список собственности колхозников [3, с.1] Сталин удалил взаимную ответственность государства и колхозников за сельскохозяйственную продукцию и сделал ясным что из за специфики защищаемой собственности, любое место деятельности на садовом участке колхозника является вторичным по отношению к работе в колхозе. Его примечание служило для укрепления принципа превосходства коллективной собственности в СССР.

Однако, не все гарантии граждан имели такие ограничения. В середине 30х, Вышинский и Сталин оба обеспечили возврат к кодированию легального статуса и легального ордера перед лицом хаоса, вызванного коллективизацией, индустриализацией и другими официальными компаниями. Этот сдвиг в Советской легальной философии был закодирован в понятии *habeas corpus* (лат. Права на юридическую защиту) в проекте Конституции. Первоначальная версия *habeas corpus* была включена в проект Яковлева, Таля и Стетского, установившего основные гарантии: Граждане СССР равны перед законом. Никто не может быть освобожден от судебного преследования, все ответственные перед законом. Никто не может быть подвержен аресту, кроме как по решению суда или по санкции прокурора.» [28]. 19 апреля Сталин переписал статью и включил гражданские права с цифрами. Его статья гласила: Граждане СССР равны перед законом. Граждане СССР имеют право требовать , чтобы любое должностное лицо преследовалось по закону в случае его нарушения. Никто не может быть подвергнут аресту без решения суда или без санкции прокурора. Никого нельзя освободить от судебного преследования, положенного по закону.» [29]. Это еще раз иллюстрирует недоверие Сталина к бюрократии и его желание использовать народ как оружие против коррупции. Однако, в дальнейшем Сталин пересмотрел статью 22 апреля, удалив раздел о должностных лицах. Новая статья была упрощена: «Гражданам СССР гарантируется неприкосновенность личности. Никого нельзя поместить под арест без решения суда или без санкции прокурора» [30].

Неприкосновенность личности была дополнена неприкосновенностью жилища, это появилось в первоначальном проекте [28] Талья, Яковлева и Стетского и к ней Сталин позднее добавил гарантию секретности частной переписки [31]. Пока эти новые законы *habeas corpus* стремились защитить граждан от незаконных арестов ранних 30х, граждане широко и почти единодушно отвергали их, т.к. люди рассматривали их как помеху восстановления порядка в стране.

Список Литературы

1. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, лл. 41- 42
2. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, лл. 42-43.
3. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик” Правда, 12.6.1936.
4. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л. 234.
5. Robert C. Tucker, *Stalin In Power: the Revolution from above 1928-1941*, (New York: W.W. Norton and Company, 1992)
6. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л. 46
7. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л. 47.
8. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, л. 162.
9. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 7, л. 42.
10. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л. 48.
11. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, л. 42,
12. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л.л. 43-44.
13. Sheila Fitzpatrick. “The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years,” *Slavic Review*, Vol. 47 No. 4 (Winter 1988) 602-609.
14. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, л. 159.

15. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 7, лл. 39-40.
16. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л. 221.
17. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, лл.44-45.
18. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, лл. 159-160.
19. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, лл. 45-46.
20. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, л. 157.
21. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 7, л. 38.
22. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, л. 158.
23. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 7, л. 39.
24. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 7, л. 4.
25. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, лл. 3-4.
26. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л. 3.
27. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 7, л. 3.
28. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 5, л. 49.
29. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, л. 163.
30. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 7, л. 43.
31. ГАРФ. Ф. Р-3316, оп. 40, д. 6, л. 164.